

Натан Брусовани (Бар): «Я гонял приятеля по колхозному полю и фотографировал — это была наша оппозиция»

Диплом геофизика-ядерщика, страсть к фотографии, участие в подпольных выставках в Советском Союзе: биография Натана Брусовани (Бара) складывалась из разрозненных и причудливых звеньев. Он чуть не отправился в тюрьму за распространение самиздата, от 90летнего отца узнал историю своей редкой фамилии, а детям передал любовь к искусству. Что общего между пельменями и выбором объекта для съемки, заменяет ли Photoshop вдохновение и сколько мотоциклов дают за один фотоаппарат

Павел Львовский

Фото: **Илья Иткин**

Чувак, всё кончено

— Многие репатрианты знакомы с вашим творчеством благодаря обложкам книг, которые выпускала религиозная организация «Маханаим»: проработка первого и второго плана, различные детали и артефакты, которые можно долго и с нарастающим интересом изучать... Вы познакомились с основателями «Маханаима» еще в СССР?

Всё произошло случайно и очень быстро. Я был помешан на фотографии. На основной работе в институте ядерной геофизики и геохимии нас послали на картошку, и парень, с которым мы ее разгребали, спросил: «А ты не хочешь учить иврит?» Я сказал, что хочу, узнал координаты, пошел. Так я познакомился со своим первым учителем, Виктором Фульмахтом. После урока я оглянулся, а в углу стоят пакеты с фотобумагой большого формата, абсолютным дефицитом.

Спросил Витю, где он это достал. Фульмахт, человек осторожный, от ответа уклонился. Потом уже я узнал, что он был ответственным в Юго-Западном районе Москвы за распространение печатных материалов по иудаизму и еврейской культуре. Человек, который размножал брошюры фотографическим способом, по каким-то причинам не мог больше этим заниматься. Я предложил свои услуги. Потом про это узнал Петя, Пинхас Полонский. Для них двоих я стал размножать материалы, пока в 1985 году ко мне не нагрянула милиция с обыском.

Петя совсем недавно принес календарь еврейских праздников, который я печатал. Первым делом я взял эти листы, понюхал: обалдеть, прошло 35 лет, а они всё еще пахнут фиксажем.

— Вы не боялись заниматься, выражаясь тогдашним языком, изготовлением и распространением антисоветской литературы?

Не знаю, как это происходит у настоящих преступников, но, когда ты что-то делаешь и тебя не схватили с первого раза, появляется ощущение, что этого не произойдет никогда. Мы понимали, что от КГБ не скроешься, но меры безопасности предпринимали: звонили только из телефона-автомата, разговаривали на лестничной площадке, а не в квартире. У Вити была специальная доска с калькой, на которой можно было писать и быстро стирать написанное.

В институте меня начали посылать в командировки. У большинства коллег был допуск из МИФИ, и начальник моей лаборатории сказал: «Тебе тоже сделаем». Для них это была чисто техническая вещь, а для меня... Я пошел к Фульмахту, он сказал, что, имея допуск, выехать не сможешь точно. Тогда я уволился из института и буквально на заборе увидел объявление: в Библиотеку по естественным наукам (БЕН) требуются работники для развоза книг. Там была экспедиция, мы до двух часов дня работали, потом я шел домой и печатал еврейские книги или занимался художественной фотографией.

Боря Сихон, актер Еврейского театра Ю. Б. Шерлинга, на колхозных полях, 1985 год. Фото: Натан Брусовани (Бар)

В один совершенно не прекрасный день в библиотеке раскрывается дверь, быстрым шагом входят люди. Сердце падает, мне показывают ордер на обыск по делу Арье Вольвовского, которого я вообще не знал на тот момент. Арье (Лёня) уже сидел, его вызвали на допрос и спрашивали про Брусовани, а он говорил, что не знает такого. Меня везут через всю Москву с мигалками и привозят в Беляево, где мы жили. В комнате бабушки моей жены находят коробочку, там белый порошок. У меня сердце упало еще ниже: до этого был процесс Алексея Магарика, которому подбросили наркотики. Милиционер машет рукой: «Это сахарный порошок».

Понятно, что нашли всё, включая специальный пресс для книг, набитый свежей продукцией. Визитеры переговаривались между собой: «Чувак, всё кончено, уголовное дело — только вопрос времени». Параллельно шел обыск на даче.

— И чем закончилось?

Мне реально повезло: было начало эпохи Горбачёва. Меня вызвали на допрос, эта тягомотина длилась очень долго, но потом дело закрыли. Привлекли к административной ответственности за размножение, спекуляцию, что-то в этом роде. Про еврейское там вообще ничего не говорилось. Мне специалисты говорили, что, если бы то же самое произошло полугодом раньше, я бы реально загремел в тюрьму.

Сразу после обыска я побежал к Вите на работу, решили, что ложимся на дно. После этого по телевизору появилось разоблачительное интервью с одним известным нынче человеком, евреем. Он рассказал про нашу деятельность всё, назвал Фульмахта, но моей фамилии не упомянул. Через два года у нас в квартире раздается звонок: «Вы хотели уехать в Израиль? У вас есть 30 дней».

— **Счастливым концом.**

Ну да. Практически весь «Маханаим» тогда уехал, и мы в том числе. Старшему сыну, Дане, было шесть лет, Яше — три, еще трехмесячная Михаль. Мы первыми летели в Израиль через Бухарест. Когда выдавали талоны на еду, мы спросили: «А кошерное есть?» На нас посмотрели как на сумасшедших: «Вроде да». Принесли кошерные шницели, и я съел их невероятное количество. 31 декабря 1987 года мы уже были в аэропорту имени Бен-Гуриона.

Пианино или мотоцикл

— **Как вы восприняли Израиль конца 1980х?**

Просто дикая эйфория. Совершенно дикая. Мы кайфовали от иврита, от людей, кайфовали от того, что пришли в супермаркет. Был такой популярный анекдот в наше время: «Как называется главный советский порнофильм?» — «Голая полка». Я знал иврит, начал работать в магазине фототехники; жена Аня пошла в улыпан, там были замечательные ребята, с которыми мы поддерживали отношения.

— **А в плане религиозной интеграции?**

Нам повезло, потому что мы были подготовлены и к тому же очень отличались от среднестатистических репатриантов. В синагоге все изумлялись: приехали «русские», знают иврит, у них кипы на голове. Мы всё делали коллективно: массово поселились в Маале-Адумим, в 20 км от Иерусалима в сторону Мертвого моря, детей записывали в одни и те же религиозные школы.

Помню, меня попросили выступить перед учениками. Потом учительница спрашивает: «Вопросы есть?» Встает местный умник типа Вовочки из анекдотов: «А вы что с собой привезли, пианино или мотоцикл?» Тогда часто повторялась такая картина: к дому, где живут репатрианты, подвозят огромный ящик с багажом, он разбирается на глазах у местной публики, там оказывается мотоцикл или пианино.

— **Фамилию вы сменили на ивритскую по идеологическим причинам?**

Израильтяне очень либеральны к приезжим, но мне стала надоедать ситуация, когда звонишь куда-нибудь, спрашивают фамилию, говоришь: «Брусовани» — и получаешь в ответ: «Эйх?» (ивр. «Как?»). Это «эйх» меня добило, я решил сократить до Бар, это записывается двумя буквами.

Иногда «эйх» повторяется, и я говорю: «Ребята, я сократил фамилию до двух букв. Меньше только у китайцев».

Интересно, что дети Даня и Яша вернулись обратно к Брусовани. Йегуда и Михаль пока Бар. А жена говорит: «Мне Брусовани нравилась больше».

— **Откуда вообще взялась эта фамилия?**

В школе постоянно спрашивали: «Грузин? Итальянец?» Когда отцу было около 90 лет, он стал, вставляя идиш, который неожиданно вспомнил, рассказывать. Папа был на трех войнах: Финской, Второй мировой и Японской. Во время Второй мировой он служил в береговой охране рядом с Мурманском, отслеживал немецкие подлодки. Звали отца Хаим Брусованик.

Что-то произошло, он упал с катера в море, пробыл в воде 45 минут. Он говорил, что по физиологическим причинам больше 15 минут человек в холодной воде выжить не может, но его вытащили, откачали и выдали новую красноармейскую книжку. По версии отца, он попросил, чтобы его записали Ефимом Брусовани.

Практически все, кто приезжает в Израиль, начинают отправлять запросы на поиск родственников в «Яд Вашем». Я нашел родственника, Яшу Брусованика, мы переписываемся, иногда встречаемся. Говорят, есть большой клан Брусоваников, часть — в Америке, часть — в Израиле.

— Вернемся к вашим фотоработам. Вам не кажется, что в век Photoshop и мобильных приложений с фильтрами фотографа особенно нечем хвастаться? То, что вы делали, используя игру теней и ухищрения при проявке и печати, ребенок делает нажатием кнопки.

Если человек снимает всякую ерунду, а потом запикивает в Photoshop, это ужас. Фотографии учатся постепенно: начинаешь с пленки, со среднеформатной камеры; смотришь не на уровне глаз, а сверху вниз; у тебя есть большой видоскатель, ты обрамляешь выбранный кусок окружающего мира, танцую вокруг объекта и прищелкивая языком. Если фотограф начал с этого, а потом осторожно перешел к Photoshop, это полезная штука. Как акриловые краски, которые появились у моего брата-художника.

Телефонная будка, из которой велись переговоры. Фото: Натан Брусовани (Бар)

Когда я в первый раз увидел Photoshop, у меня был шок. Эта программа настолько отвечала моим художественным концепциям — многослойность, прозрачность, игра со слоями. При этом, когда меня спрашивают, как сделать хорошую фотографию, я отвечаю: «Есть рецепт русских пельменей с перечислением ингредиентов. Здесь такая же штука. Ты должен изначально заложить очень хороший фарш, который начинается с размышлений о будущей фотографии». Ты что-то сфотографировал, не очень понимаешь, что с этим делать, давай в компьютер засунем и поиграем? Это совершенно неправильно.

— Как вы вообще начали заниматься фотографией?

Я рос в Питере в студии брата, Юры Брусовани. Мне позволялось находиться там, где он писал картины. Это была творческая путевка в жизнь. Первые уроки фотографии я взял, когда оканчивал университет в Питере. Когда женился и переехал в Москву, первое, что сделал, — это перегородил фанерой комнатуху, в которой мы жили, и каждую ночь проявлял в закутке фотографии, безумно раздражая родителей жены, которые вели себя поистине ангельски.

Эта пружина, которую вставил мне брат, действует до сих пор. Логически объяснить, зачем я занимаюсь фотографией, невозможно. На жизнь этим не зарабатывал: с финансовой точки зрения это сплошные расходы. Но в этом смысл жизни. У меня был и есть приятель Борька Сихон, бывший артист московского Еврейского театра Шерлинга, потрясающий барабанщик и шоумен, ныне живущий в Ванкувере. Я его фотографировал, гоняя по колхозному полю то со стулом, то с голой задницей. Он даже не спрашивал зачем. Было очевидно, что надо что-то придумывать, во что-то играть. Это была наша оппозиция к каменной ситуации вокруг.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

«Фотография — детище своего времени»

Всматриваясь в картины старых мастеров, особенно остро ощущаешь визуальную серость наших дней. Держась одной рукой за телевизор-плазму с обещанными триллионами цветов, а другой кликая затвором цифровой мыльницы, услужливо штампующей цветные отпечатки среды обитания, мы стоим, разинув рты, перед их великими произведениями.

Очень быстро я перешел на фотоаппарат Mamiya RB67, который служил мне четверть века. Это штука весом в 2,5 кг, снимать можно было только на штативе. Поэтому до съемки ты должен был в голове всё придумать и прокрутить. У тебя обязательно должен был быть кто-то типа модели, человек, которому говоришь: «Встань сюда, а теперь сюда». Перед отъездом мы продали трехкомнатную квартиру родителей жены за два мотоцикла. В Израиле я эти два мотоцикла продал и купил один фотоаппарат той же марки. Продавцом был Нахум Слепак, фотограф в Музее Израиля.

— Вы сами не пытались стать штатным фотографом или продвигаться за счет выставок?

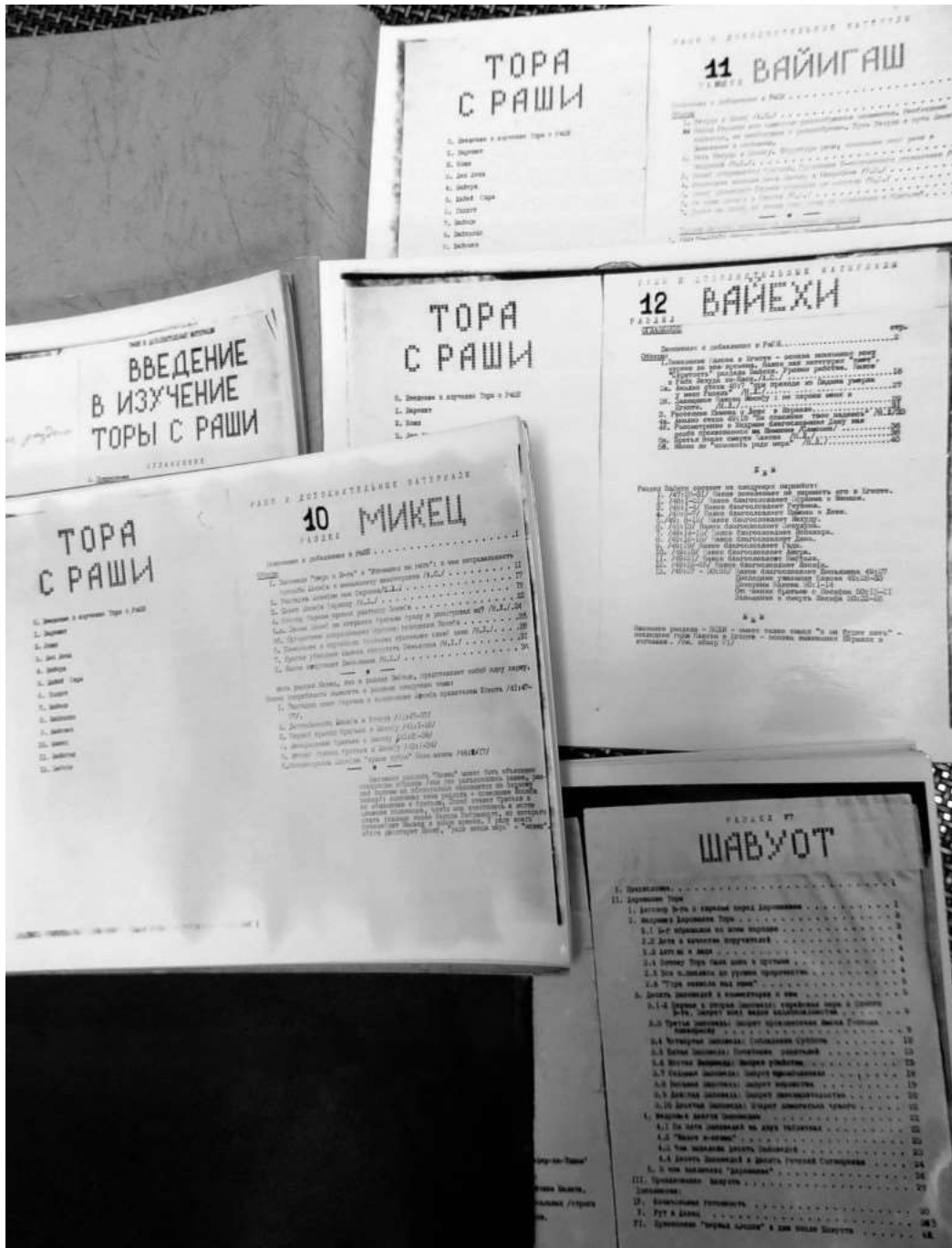
У многих людей, которые приехали в Израиль, были надежды на исполнение таких тайных желаний. То, что нельзя было сделать в Советском Союзе, просто обязано было осуществиться на Западе или на Ближнем Востоке. Оказалось, что это не так. Да, не проблема делать выставки. Но это ерунда, ты тратишь большие деньги, в первый вечер приходят люди, смотрят, а потом всё заканчивается. Когда появился фейсбук, я успокоился. Выставляю фотографии, получаю десятки, а иногда и сотни лайков.

Насыщенный мир на улице Архипова

— Вот вы стоите у Стены Плача, до вас ее снимали миллионы людей. Как можно создать что-то новое?

Перегрузом в хорошем смысле слова, ощущением Стены. Ты лежишь ночью, накрываешься с головой одеялом и начинаешь медитировать. Идешь по важным точкам, этот объектив, тот. Я не составляю точный план, а стараюсь найти пружинку, которая будет меня двигать дальше. Вечером снимать? Днем? Когда никого нет? Со спины?..

Беру сумку, кладу аппаратуру. Потом снимаю по наитию. Когда чувствую, что выдохся, иду домой. Фото просматриваю на следующий день, по принципу «цепляет или не цепляет». Снимаю я обычно мало, порядка 50-70 кадров. Выбираю два-три и начинаю обрабатывать в специальных программах, прокручивая разные эффекты. Хочу понять, где та тропинка, которую я обдумал еще тогда, ночью.

Самиздат, который члены организации «Маханаим» изготавливали и распространяли в 1980 х годах: с него началось новое еврейское книгоиздание. Фото: Натан Брусовани (Бар)

Я ищу непростые темы. Например, еврейская тема или тема Иерусалима — непростые, глубокие. Помню события, которые на 100 % сформировали мою визуальную еврейскую линию. В синагоге на Архипова был маленький зал, там собирались и молились те, кого мы между собой называли «старики». Это был просто улет, ощущение, что ты попал в невероятно насыщенный мир. За три месяца до отъезда я набрался смелости и спросил, могу ли там пофотографировать. Нашим соседом на Юго-Западной был Дима, будущий раввин Довид Карпов, он меня пригласил на пару фарбренгенов. Это просто из ряда вон выходящее в плане образности.

— Что вы фотографируете сегодня, кроме Иерусалима?

У Израиля неисчерпаемый потенциал. Я периодически делаю серию фотографий Маале-Адумим: это странные горы, по пропорции соизмеримые с человеческим ростом, ты ходишь как бы на уровне самой высокой горы.

— Детям передалась отцовская одержимость фотографией?

Фотографией никто не занимается, но часть моей «заведенности» перешла им. Со старшим сыном Даней были разные сложности, его отправили в ешиву, он туда не хотел и был прав. Слово «Чехов» было ругательным: «А, это тот, которого родители читают». Тем не менее Даня сейчас актер, вполне в теме искусства.

Четвертый наш ребенок, Йегуда, родился в Израиле, сабра. Ему 25 лет, я наблюдаю, как он строит жизнь. Сразу после службы в армии ему предложили работу на заводе: ставка 10 тысяч шекелей, машина. Я ему говорю: «Йегуда, о чём тут думать?» А он сказал: «Нет». Сейчас хочет поступать в академию «Бецалель» на дизайн интерьера. На прошлой неделе говорит: «Папа, расскажи про искусство, ты никогда не рассказывал». Отвечаю: «Старик, так ты и не просил». — «Нет, я очень хочу, давай. А, Караваджо, да, это интересно...» Странно так, обратная волна идет.

— Если попросить русскоязычного израильтянина назвать известные ему религиозные организации, «Маханаим» вряд ли будет в первой тройке. Казалось бы, отлично изданные книги, знакомство с ментальностью целевой аудитории, но на выходе эффект довольно скромный. Почему так произошло?

«Маханаим» не предлагает глобальных решений. У нас в синагоге люди прибавляются постоянно, поэтому о стагнации говорить нельзя. Активно действует группа гиюра, есть потрясающие истории. Ветераны нашей синагоги — пара из Чехословакии, муж выполняет функции кантора. Есть пара из Финляндии. Когда вызывают в субботу к Торе, из семи вызванных, бывает, пятеро-шестеро геры. Синагога полна людьми, которые к нам присоединились.

Да, тысячи других русскоязычных, которые живут в Маале-Адумим, не присоединились, это тоже факт. Сейчас особенно явно это видно, когда из-за ковидных ограничений молитвы проходят под открытым небом. Тут мы молимся, а там люди занимаются пробежками и смотрят на нас с недоумением. Как это сделать по-другому, я пока не знаю. Но жизнь замечательна и внутри синагоги, и вне ее.

Павел Львовский

🕒 14 февраля 2021

Фото: **Илья Иткин**

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Авраам Пресман: «Тем, кто приходит ко мне, вводные лекции не нужны»](#)

[Раввин Мордехай Нойвирт: «Суббота предоставляет человеку возможность вернуться к себе»](#)

[Раввин Мойше Рохлин: «Не экономьте на любви»](#)

ДОМ УЧЕБЫ

«Месивта»: одна большая еврейская семья

Московская еврейская школа «Месивта»

[Виталий Ковальчук](#)

МЕЖДУ НАМИ

Твоя моя не понимай

Блог Ани Файн

[Анна Файн](#)

ЧЕЛОВЕК ВЕРЫ

Образовательная империя Авраама Беккермана

Основатель женского института «Махон Хамеш»

[Илья Йосеф](#)

ПОМОЩЬ

Шауль Давыдов

«Для нашей работы необходима любовь»

[Борис Эмануилов](#)

НА ОЛИМПЕ

Андрей Бильжо

«Обижаться на карикатуру нелепо»

[Илья Йосеф](#)

ФИКСАЖ

Дмитрий Брикман

«Когда я адресую вопрос трехлетнего мальчика взрослому человеку, есть шанс, что мне ответит ребенок»

[Виктория Кац](#)

ПРОВОДНИК

Раввин за партией

Где и как готовят лидеров общины

[Гершон Коган](#)

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

Явушва Симандуев

«Ученый человек и в бизнесе преуспеет больше неученого»

[Борис Эмануилов](#)

Подпишитесь на рассылку «Еврейского журнала» и читайте интервью с интересными людьми, материалы об общинной жизни и истории евреев разных стран, колонки специалистов и фоторепортажи.

Ваш E-Mail

Я подтверждаю своё согласие с [политикой конфиденциальности](#), [политикой обработки персональных данных](#) и получением рекламы

Отправить

5182
еврейский журнал

Copyright © Еврейский журнал. Все права защищены.

Полное или частичное копирование любых материалов, размещенных на сайте, - только с согласия редакции "Еврейского журнала"